

УДК 1.16

DOI: 10.17223/1998863X/56/2

Г.Г. Антух

ПСИХОПАТОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИЕРАРХИЧЕСКОГО ПОДХОДА К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ПАРАДОКСОВ¹

В статье обсуждается проблема практической применимости абстрактного знания в повседневной коммуникации. Контекстуализм «позднего» Л. Витгенштейна подводит к вопросу об абстрактной природе метакоммуникативных высказываний. Эксплицируются логико-эпистемологические основания теории коммуникации и психопатологии Г. Бейтсона. Анализируются парадокс негативного самореференциального метавысказывания и пути его преодоления. Демонстрируется невыполнимость принципов иерархического подхода в приложении к задачам повседневной коммуникации. Делается вывод о неприменимости иерархической модели метаязыков к структурированию обыденного языка и мышления.

Ключевые слова: языковые игры, контекст, коммуникация, метаязык, double-bind, парадокс, Витгенштейн, Бейтсон, Рассел.

Нередко философов обвиняют в том, что результаты их теоретической работы неприменимы к реальной жизни. Это роднит философию с еще одной оторванной от запросов повседневности наукой – чистой математикой. Общеизвестно, что математику и философию связывает давнее родство. Менее известно то, что в период активного развития математической теории в XIX–XX вв. глобальные задачи математики оказались в прямой зависимости от философских решений [1]. Некоторые из этих решений, став существенным вкладом в математическую теорию, повлияли и на общенаучную методологию. В настоящей статье рассматривается конкретный пример междисциплинарного диалога на стыке эпистемологии, оснований математики и психопатологии повседневной коммуникации. Основная цель работы – ответить на вопрос, насколько идеалы чистой теории отвечают запросам обыденной жизни и отвечают ли вообще?

Языковые игры

Сложно представить более привычную, но вместе с тем настолько не постижимую для человеческого разума вещь, чем язык. Впечатляет безграничная выразительность языковых средств, усваиваемых человеком в чрезвычайно короткие сроки. Раньше уверенной походки ребенок овладевает способностью выстраивать неограниченное количество новых предложений, используя при этом конечный набор правил. Данный факт заставляет ученых раз за разом пересматривать концепцию базовых свойств языка. До конца неясно, какая из функций языка сыграла решающую роль в эволюции человеческого мышления – коммуникативная или познавательная [2]. Впрочем, полемический характер данного вопроса не отменяет общей проблемы, свя-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00057).

зывающей по рукам сторонников различных точек зрения. Препятствием, затрудняющим вынесение вердикта, выступает следующее обстоятельство: любое высказывание о языке не может существовать вне языка, из чего вместе с тем следует, что всякая характеристика языка включает в себя свойства языка, на котором она дается. Если эти свойства принадлежат характеризваемому языку, известная характеристика не является исчерпывающей, в то время как не принадлежащие характеризваемому языку свойства могут быть либо приведены к свойствам данного языка, и тогда характеристика является неполной, либо они неприводимы к свойствам характеризваемого языка, и тогда они не имеют силы в отношении данного языка. Стало быть, исследование языка как внешнего по отношению к самому языку объекта не представляется возможным, допустимо ли изучение языка в качестве части самого себя?

В современной философии предпринималось немало попыток решения этой задачи – как строго научных, так и демонстративно непоследовательных. Отсутствие консенсуса в отношении релевантных запросам философии методологии не помешало представителям различных школ и направлений прийти к единому выводу: язык как замкнутая на себе система значений не может быть надежным инструментом познания, поскольку в нем нет ничего, что могло бы служить мерой истины или лжи кроме него самого. Образ заточенного в «тюрьму языка» познания эксплуатировался постмодернистами, наиболее радикальные из которых не оставляли языку ни малейшего запаса строгости и однозначности [3]. Интуиции постмодернистов подкреплялись доводами философов-аналитиков, так или иначе разделявших мнение: формальные языки невыразительны, естественные языки не фиксируют устойчивых значений [4]. С пониманием ограниченности выразительных средств языка росло понимание неправомерности обобщений относительно эпистемологического статуса значений языковых выражений. Невозможно отказать семантике естественных языков в сколько-нибудь устойчивой выразительности, сохранив при этом смысл утверждения о ее относительности. В обход навязываемого релятивистской эпистемологией скептицизма могло быть только одно решение. Что, если язык есть нечто большее, чем слова и их значения? Тогда что есть язык? Такое решение среди прочих предлагают «теории языковых игр» Л. Витгенштейна [5].

Несколько обобщая, позиция «позднего» Витгенштейна состоит в том, что выражения языка в принципе не имеют устойчивых значений. Решающую роль в смыслообразовании играет ситуационный контекст, в который по воле действующих лиц погружаются языковые выражения. Более или менее устойчивая коммуникация возникает вследствие совместной лингвистической практики, позволяющей лингвистическим агентам соотносить свое понимание предложений с контекстной ситуацией. В рассуждениях Витгенштейна отмечается вполне определенная корреляция между ключевыми аспектами лингвистического опыта: значение языкового выражения суть его понимание, понимание его суть умение употреблять (воспроизводить) языковое выражение. В более широком эпистемологическом ракурсе это означает, что знание невозможно без понимания, понимание – без умения употреблять данное знание [6]. Для примера, известно ли вам, что означает слово «мокромай»? Теперь договоримся называть «мокромаем» каждый дождливый поне-

дельник мая после 2021 г. Можно считать, языковая игра только что состоялась. В отличие от данного экстравагантного примера, регулярные связи между языковыми выражениями и способами их употребления создают прочную основу для межличностного взаимодействия. В ответ на «Добрый день!» следует ожидать заурядную реакцию, несущественная вариативность которой поддерживает иллюзию стабильности повседневной коммуникации. Однако с увеличением вариативности символических и ситуационных связей такая иллюзия пропадает.

Стоит полагать, что лингвистический опыт не ограничивается вычурным словообразованием и обыденной лексикой. Все, что требует погружения в ситуационно-смысловые контексты словоупотребления и словообразования, так или иначе связано с принципом языковых игр – будь то наука, религия, миф, литература, юмор, этика и т.д. Не требует доказательств, что способность к анализу лингвистических и коммуникативных контекстов является важнейшим аспектом социализации. Психологи, социологи и клиницисты по-разному оценивают неспособность личности распознавать ситуативные нюансы словоупотребления. Особый интерес для специалистов представляет иносказательность обыденной речи, которая нередко становится барьером для эффективной коммуникации. Трудности с интерпретацией фигуральных выражений могут быть следствием как социокультурных аспектов коммуникации, так и индивидуально-психологических. Далеко не каждый англичанин знаком с выражением «Ездить в Тулу со своим самоваром», а швед – с идиомой «*To carry coals to Newcastle*», что между тем поправимо. Даже в тех случаях, когда культурные различия оказываются слишком велики, надежда на взаимопонимание все же остается, остается она и в случае более грубых искажений мировосприятия. Известно, что люди, страдающие синдромом Аспергера, нередко испытывают трудности с интерпретацией фигуральных и иносказательных выражений. Т. Этвуд рассказывает про юную девушку, которая на заданный ей по телефону вопрос «Здесь ли Пауль?» ответила «Нет» только потому, что тот находился в этот момент в другой комнате [7]. В литературе также описываются примеры, когда люди с данным недугом, демонстрируя интеллектуальную сохранность в оперировании абстрактными объектами, оказываются неспособны в полной мере понимать юмор или иронию [8]. Существуют и другие виды патологий, при которых человек не обладает или со временем утрачивает способность к фигуральному и иносказательному диалогу. В этот список входят некоторые расстройства личности, психотические и шизофреноподобные расстройства, олигофрения, нейродегенеративные процессы и т.д. Не будем спекулировать на столь сложной в моральном и научном плане теме, отметим лишь то, что и так было понятно: способность погружаться в ситуативно-смысловые контексты предопределяет роль лингвистического агента в межличностной коммуникации.

Вместе с тем общая картина описанной Витгенштейном действительности как нельзя лучше отображает специфику обыденного словоупотребления. Повседневный язык выразителен, гибок, но наряду с этим референциально непрозрачен. Прояснение значений конкретных выражений – задача участников конкретной языковой игры, и только от их способностей, широты кругозора и желания зависит, состоится эта игра или нет. Если язык это не просто слова, тогда что есть язык? Согласно «позднему» Витгенштейну, язык как

предмет совместной практики не исчерпывается одним лишь вербальным содержанием, но также включает в себя культурные, социальные и индивидуально-психологические предпосылки словоупотребления. Многообразие языковых форм умножается неограниченной вариативностью коммуникативных контекстов, среди которых, как представляется, не существует и не может существовать однозначных связей, указывающих на единственный смысл или способ употребления языкового выражения. Примечательно, что прагматика обыденного языка демонстрирует прямо противоположные эффекты, чтобы понять это, достаточно обратиться к фактам повседневной коммуникации. Как правило, редкие эпизоды недопонимания быстро устраняются или же списываются на некомпетентность одной из сторон коммуникации. Вопрос, вызывающий наибольшую озабоченность, состоит в следующем: возможно ли при условии неограниченной вариативности языковых форм судить о коммуникативных способностях и навыках другого человека в положительную или отрицательную сторону? Буквальное прочтение примера Этвуда не указывает на то, что юная девушка допустила ошибку, скорее наоборот – ее буквальная реакция кажется наиболее осмысленной для мира слов, не имеющих того самого смысла. Если слова, в сущности, ничего не обозначают, на ком лежит ответственность за их непонимание? Способна ли в таком случае общая теория языка и коммуникации решить проблему нормы и патологии словоупотребления? Для того чтобы разобраться с этим, обратимся к теории психопатологии, разработанной в середине прошлого века американским ученым Г. Бейтсоном.

Метакоммуникация и психопатология

Теория психопатологии Бейтсона сочетает в себе нестандартные концептуальные решения, важнейшим из которых становится экстраполяция принципов теории коммуникации на социальный фактор в этиологии психических расстройств [9]. Патологии мышления и восприятия могут проявляться по-разному, нетипичный стиль коммуникации и словоупотребления выступает одним из таких проявлений. Таким образом, коммуникация становится предметом психопатологического исследования, при помощи которого можно обнаружить причины или, по меньшей мере, признаки психопатологии. Проблема, следующая за этим, состоит в необходимости формулирования общего критерия нормы и патологии, согласно которому было бы возможно говорить о патологических типах коммуникации. Решение этой проблемы Бейтсон начинает с принятия нескольких руководящих гипотез.

Гипотеза 1. Вербальная коммуникация в человеческом обществе происходит на различных уровнях абстракции: от наиболее простого описательно-го уровня до уровней металингвистических и метакоммуникативных сообщений. Простейшие формы вербальной коммуникации служат для обмена фактическим знанием или намерением в отношении определенного или подразумеваемого положения дел, выражения по их поводу удовольствия или неудовольствия, согласия или несогласия, одобрения или неодобрения и т.д. Например: «Это яблоко красное», «Мне по душе дождливая погода», «Вторая половина года обещает быть насыщенной» и т.п. Предметом прямой коммуникации могут быть не только дескриптивные, но также нормативные и перформативные сообщения, только если они не содержат сведений о лингви-

стических и коммуникативных формах, как, например: «Переходя дорогу, следует быть внимательным», «Поддай мне ножницы» и т.п. Уровень металингвистических сообщений включает в себя высказывания о языковых формах, где нечто утверждается или отрицается в отношении отдельно взятых знаков, значений, предложений, классов значений или о языке в целом: «В слове „корова“ две буквы „о“», «Это предложение содержит ошибки», «Слова бесцветны и не пахнут», «Повседневный язык не имеет стабильных значений» и т.п. Метакоммуникативный уровень служит для передачи сообщений о фактах или намерениях относительно специфики самой коммуникации, иными словами, о взаимоотношениях ее участников: «Я не вру», «Это не игра», «Мне не следует доверять», «Все, что я делаю, не имеет смысла», «Вам стоит быть аккуратнее в выражениях» и т.п. На метакоммуникативном уровне могут быть задействованы самые разные средства, как вербальные, так и невербальные, это могут быть жесты, мимика, поза, интонация и прочие определяющие модальность послания факторы, будь то время дня или года, пол собеседников, статус или должность, степень родства и т.д. В большинстве случаев металингвистические и метакоммуникативные сообщения остаются имплицитными, выраженными в неявной вербальной или невербальной форме в процессе коммуникации, что, в свою очередь, создает дополнительные трудности в интерпретации ситуативных контекстов.

Гипотеза 2. По мнению Бейтсона, эволюция коммуникации потребовала от живых существ развития способности к интерпретации состояний других организмов и своих собственных в качестве сигналов, которые могут быть приняты, отвергнуты, фальсифицированы, усилены или скорректированы. Замах не всегда обещает быть ударом, улыбка не всегда означает, что вас рады видеть, многое зависит от того, какие новости вы принесли с собой. Косвенное подтверждение этой гипотезы можно обнаружить в распространенном среди многих видов животных «игровом поведении». Данный тип поведения, полагает Бейтсон, мог возникнуть только в случае описанной выше многоуровневой структуры коммуникации, предполагающей возможность обмена метакоммуникативными сигналами. Стоит отметить, что модель игрового поведения, развиваемая Бейтсоном в теории игры и фантазии, охватывает множество феноменов поведения животных и человека, таких как притворство, угроза, фантазия, обман, блеф и т.п. В основе своей «игровое поведение» состоит из симуляционных действий, при которых имитируемые поведенческие паттерны не имеют реальных причин или не направлены на достижение целей имитируемого поведения. Если действия, в которых мы участвуем, не имеют реальных причин, реально ли наше участие в этих действиях? Буквальное прочтение сообщения «То, что сейчас происходит – игра» означает следующее: «Действия, в которых мы участвуем, не означают того, что могли бы означать в случае нашего в них участия». По всему видно, что прямая интерпретация имитационных паттернов поведения генерирует бессмыслицу. Однако если предположить, что логические элементы имитационного поведения располагаются на различных уровнях абстракции, затруднение как таковое снимается. Главное требование к такой расстановке Бейтсон заимствует из логико-математического учения Б. Рассела и А.Н. Уайтхеда: «Наш подход, – пишет Бейтсон, – основан на той части теории коммуникации, которую Б. Рассел назвал теорией логических типов... Главное положение

ние этой теории состоит в указании на принципиальную разрывность (discontinuity) между логическим классом и его членами. Класс не может быть членом самого себя, и ни один из членов класса не может быть самим классом, поскольку понятия, употребляемые для обозначения класса, находятся на другом уровне абстракции – принадлежат к другому логическому типу, нежели понятия, употребляемые для членов класса» [9. С. 149]. Таким образом, в основу теории коммуникации и психопатологии Бейтсона полагается иерархический подход, заимствованный из оснований математики. Как будет показано ниже, применение данного подхода в теории коммуникации имеет свои недостатки.

Следствия. Иерархическая модель организации уровней коммуникации накладывает определенные ограничения на форму и содержание коммуникативных актов. Первое из них заключается в том, что сообщения на более высоком уровне абстракции имеют приоритет перед сообщениями на уровне низлежащем, второе – метакоммуникативные и коммуникативные послания должны отличаться друг от друга как свойства логического класса от свойств входящих в него членов. Нарушение данных правил может стать причиной бессмысленных посланий, логически изоморфных парадоксам расселовского типа. Для примера обратимся к высказыванию «Приказываю не исполнять моих приказов». Следуя логике Бейтсона, мы должны согласиться, что данное сообщение некорректно, так как в нем содержится негативное самореференциальное метаутверждение. Смешение ролей логического управления, начинающегося с директивы «Приказываю...», продолжается метакоммуникативным утверждением «не исполнять моих приказов». Разрешить это противоречие можно только в случае распределения уровней управления логическими связями, как в следующем примере: «Приказываю не исполнять моих приказов об x , где x не есть сообщение о моих приказах».

Используя принцип парадоксальных метавысказываний, Бейтсон разрабатывает концепцию психопатологии. Критическим с точки зрения психопатологии аспектом негативных самореференциальных метаутверждений является ситуация, получившая название «double-bind». Термин «double-bind» описывает феномен коммуникации, в котором двое или больше участников обмениваются парадоксальными метавысказываниями при том, что для одной из сторон данные отношения оказываются в психологическом смысле губительными. В ситуации double-bind объект неблагоприятного воздействия не способен принять ни положительного, ни отрицательного решения о намерениях своего собеседника и, что самое важное, не способен отказаться от этих взаимоотношений. Представим ситуацию, в которой авторитетный начальник, обращаясь к подчиненному, сообщает: «Принимать всерьез мои распоряжения не стоит». Допустим, что у объекта такого послания нет никакой возможности прояснить смысл данного обращения. В случае развития психопатологического сценария, описанного Бейтсоном, объект парадоксального метаутверждения оказывается перед выбором без возможности самого выбора. И в самом деле, невозможно представить осмысленную реакцию на бессмысленный сигнал. Парадоксальное метаутверждение со стороны значимого лица ставит жертву double-bind в условия, когда 1) ничего невозможно предпринять, 2) ничего невозможно не предпринять, 3) невозможно обсуждать.

Конечно, приведенный пример сильно упрощает модель коммуникации и психопатологии Бейтсона. В действительности патологические формы коммуникации по типу double-bind часто остаются неявными и включают в себя вербальные и невербальные коммуникативные и метакоммуникативные сигналы. Рассмотрим следующий пример. Все знают, что чрезмерное курение оказывает пагубное влияние на здоровье и в некоторых случаях способствует развитию тяжелых заболеваний. Несмотря на активное сопротивление табачных компаний, современное общество дает однозначную оценку этой разрушительной привычке. Ни один здравомыслящий «курящий взрослый» не пожелает своему или чужому ребенку подобной наклонности, что отнимает у него самого и здоровье, и средства. Более того, каждый здравомыслящий курящий взрослый, скорее всего, при удобном случае не прочь поведать подрастающему поколению о вреде курения. Вероятнее всего, никакой пользы от такого рода пропаганды не будет по причине нарушения управления уровнями коммуникации. Всего лишь представьте! После очередной горькой затяжки отец говорит сыну: «Курение – это очень вредно, тебе лучше никогда не курить, сын». Все в этом примере разворачивается по сценарию double-bind: есть авторитетное лицо, есть коммуникация, есть метакоммуникация и есть порочное метакоммуникативное самоотрицание. Если курение неприемлемо в принципе, то почему о его вреде говорит человек, для которого оно в целом приемлемо? Оказавшись в ситуации противоречивых коммуникативных связей, объекту назидания остается только самостоятельно решить для себя, что для него лучше. В довершение следует отметить, что совет о вреде курения, с точки зрения бейтсоновского подхода, оказывается неэффективным даже в том случае, когда его дает некурящий взрослый, ведь за плечами такого взрослого нет личного опыта, оправдывающего запрет на курение. Если я выношу запрет на то, о чем знаю лишь понаслышке и не имею необходимых для этого компетенций, мои слова теряют силу для данного коммуникативного контекста. Возможно ли выйти из данной ситуации с одинаковой пользой для взрослого и ребенка, с одной стороны, сохранив авторитет взрослого, с другой – здоровье ребенка? Дальнейшие рассуждения покажут, что вербальная коммуникация в человеческом обществе парадоксальна по своей природе и едва ли найдется хотя бы один пример, удовлетворяющий требованиям концепции Бейтсона.

Неидеальный язык

Идеалы теоретического знания бесконечно далеки от реальности, с которой нам приходится иметь дело каждый день. В одном случае они помогают понять несовершенство окружающего мира, в другом – перенимают его недостатки. Теория коммуникации, разработанная Бейтсоном, – как раз тот случай, когда идеалы чистого разума едва ли способны оправдать несовершенство человеческого языка и мышления. Модель негативных самореференциальных метаутверждений заимствуется Бейтсоном из логико-математического учения, отсюда же заимствуется способ устранения парадоксальных посланий. Однако вместе с достоинствами данного учения заимствуются и его изъяны.

Парадоксы расселовского типа, лежащие в основе самореференциальных метаутверждений, продолжают активно изучаться. Единого мнения о причи-

нах и способах преодоления парадоксов данного типа пока нет. Иерархический подход стал для логики XX в. классическим вариантом устранения, но не решения проблемы парадоксов. Согласно предположению, выдвинутому А. Тарским в начале прошлого века, причиной парадокса негативного автореферентного тождества выступает то обстоятельство, что язык, используемый для описания мира, вместе с тем используется для описания самого себя. Естественный язык – язык повседневной коммуникации, без сомнения служит для обеих целей, а значит, возникновение парадоксов, по мнению автора концепции метаязыка, в нем неизбежно. Чего нельзя сказать о формальных системах, где запрет на самореференциальные тождества стал если не решением проблемы парадоксов, то способом не замечать эту проблему. Неудивительно, что в современной логико-философской литературе иерархический подход Рассела–Тарского все чаще подвергается критике [10]. Помимо технических деталей логической аргументации, критические доводы затрагивают фундаментальные вопросы метафизики и эпистемологии.

С наивно онтологической точки зрения абстрактные объекты существуют лишь в той степени, в которой они противопоставляются объектам реальным. И в самом деле, немислимо, чтобы в мире чистой абстракции существовали еще более абстрактные объекты. Принимая во внимание, что формальные ограничения, накладываемые принципом рациональности на познание, не могут быть отвергнуты в пользу стохастических регулярностей, следует также не забывать, что исключительная роль, которую исполняет данный принцип, не может подменять собой целей самого познания. Задачи формализма не могут быть выше тех целей, ради которых раз за разом изобретаются формальные системы. Рассуждая таким образом, можно было бы, конечно, прийти к поспешному выводу, что всякая формальная модель, будучи частью некоей реальности и одновременно описывая одну из ее частей, не может в то же время претендовать на статус учения о целом, т.е. о реальности как таковой. Более или менее убедительным этот вывод кажется в случае неоправданных требований, предъявляемых формальной системой к миру, частью которой она и является, как в случае с ограничениями, что устанавливает иерархический подход.

На противоречие, возникающее с признанием иерархической модели метаязыков, обратил внимание Х. Патнэм. «Парадоксальный аспект теории Тарского, – отмечает Патнэм, – как и на самом деле любой иерархической теории, состоит в том, что нужно находиться вне иерархии даже просто для того, чтобы сказать, что иерархия существует. Но, как представляется, это „место вне“ – неформальный язык“ – не может быть „обыденным языком“, поскольку обыденный язык, согласно Тарскому, семантически замкнут и, следовательно, противоречив. Он не может быть специально построенным языком, поскольку ни один специально построенный язык не может делать семантических обобщений в отношении самого себя и в отношении языка более высокого порядка» [11. С. 478].

Приведенный фрагмент подводит к заключительной части работы, основным итогом которой становится пессимистичный, но вполне закономерный для философских исканий вывод: идеалы чистой теории несбыточно далеки от запросов повседневности. Концепция Бейтсона, призванная очертить границы рационального дискурса в коммуникации, – еще одно тому под-

тверждение. Человеческий язык несовершенен по своей природе, ожидать от него логической строгости не приходится; как выяснилось, логической строгости не приходится ожидать даже от логической теории. Иерархическая модель метаязыков, заложенная Бейтсоном в основу теории коммуникации, была призвана структурировать и упорядочить многообразие коммуникативных форм. Но разве разговор о коммуникации не есть коммуникация? Какого же порядка этот разговор? Сколько еще уровней метаанализа нужно создать, чтобы прийти к осознанию непостижимости бесконечной циркулярности, порождаемой рекурсивно-комбинаторным механизмом языка?

Литература

1. Ладов В.А. Идея ограничения теории типов в философии математики в контексте критики эпистемологического релятивизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 43–52.
2. Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. СПб. : Питер, 2019. 304 с.
3. Пинкер С. Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня / пер. с англ. Г. Бородина. М. : АНФ, 2018. 608 с.
4. Куайн У.В.О. С точки зрения логики / пер. с англ. В.А. Ладова и В.А. Суровцева; под общ. ред. В.А. Суровцева. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. 272 с.
5. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. I. С. 75–319.
6. Антух Г.Г. Очевидность, мышление, следование правилу // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 5–16.
7. Attwood T. Asperger's Syndrome: A Guide for Parents and Professionals. Jessica Kingsley Publishers, 1998. 224 p.
8. Kasari C., Rotheram-Fuller E. Current trends in psychological research on children with high-functioning autism and Asperger disorder // Current Opinion in Psychiatry. 2005. Vol. 18, № 5. P. 497–501.
9. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М. : Смысл, 2000. 476 с.
10. Ладов В.А. Критический анализ иерархического подхода Рассела–Тарского к решению проблемы парадоксов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 11–24.
11. Патнем Х. Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие. М. : Дом интеллект. кн. : Прогресс-Традиция, 1998. С. 466–494.

Gennady G. Antukh, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: g.antukh@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 13–22.

DOI: 10.17223/1998863X/56/2

THE PSYCHOPATHOLOGY OF ORDINARY COMMUNICATION IN TERMS OF A HIERARCHICAL APPROACH TO SOLVING THE PARADOXES PROBLEM

Keywords: language-game; context; communication; metalanguage; double-bind; paradox; Wittgenstein; Bateson; Russell.

The origin of human language is one of the most difficult issues of human sciences. The uniqueness of the language puts the natural-science worldview, in which the language appears to be an unprecedented evolutionary phenomenon, in a vulnerable position. At the moment, there is no answer to the question of which of the functions of the language – communicative or cognitive – played a key role in the evolution of human thinking? The main difficulty is that human language, the language of everyday communication, is used both to describe oneself and to describe the world of which one is a part. In terms of the logical doctrine defended by Bertrand Russell and Alfred Tarski, paradoxes are inevitable in the language used to describe oneself. The relativization of objects of cognition fixed in a semantically closed language makes any judgment about such a system of meanings unlawful. Thus,

purely logical problems extend to the fundamental sections of philosophy, and the question of the origin of language is transformed into the question of the boundaries of reality and cognition. This article discusses the practical applicability of abstract knowledge in ordinary language at the intersection of epistemology, the foundations of mathematics, and psychopathology. The main aim of the work is to answer the question of how much the ideals of a pure theory meet the demands of everyday life, and whether they meet them at all. The contextualism of the later Ludwig Wittgenstein leads to the question of the abstract nature of metacommunicative statements. The logico-epistemological foundations of Gregory Bateson's theory of communication and psychopathology are explicated. The paradox of a negative self-referential meta-statement and ways to overcome it are analyzed. The impossibility of the principles of a hierarchical approach in the application to the tasks of ordinary communication is demonstrated. The conclusion is made about the inapplicability of the hierarchical model of metalanguages to the structuring of ordinary language and thinking.

References

1. Ladov, V.A. (2019) The Idea of Limiting the Type Theory in the Philosophy of Mathematics in the Context of the Criticism of Epistemological Relativism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 51. pp. 43–52. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/51/5
2. Chomsky, N. & Berwick, R. (2019) *Chelovek govoryashchiy. Evolyutsiya i yazyk* [Why Only Us. Language and Evolution]. Translated from English by S.V. Chernikov. St. Petersburg: Piter.
3. Pinker, S. (2018) *Chisty list. Priroda cheloveka. Kto i pochemu otkazyvaetsya priznavat' ee segodnya* [The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature]. Translated from English by G. Borodin. Moscow: ANF.
4. Quine, W.V.O. (2010) *S tochki zreniya logiki* [From a logical point of view]. Translated from English by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”.
5. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Translated from German. Moscow: Gnozis. pp. 75–319.
6. Antukh, G.G. (2019) Evidence, Thinking, Rule-Following. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 49. pp. 5–16. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/49/1
7. Attwood, T. (1998) *Asperger's Syndrome: A Guide for Parents and Professionals*. Jessica Kingsley Publisher.
8. Kasari, C. & Rotheram-Fuller, E. (2005) Current trends in psychological research on children with high-functioning autism and Asperger disorder. *Current Opinion in Psychiatry*. 18(5). pp. 497–501. DOI: 10.1097/01.yco.0000179486.47144.61
9. Bateson, G. (2000) *Ekologiya razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psikhologii i epistemologii* [Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution and Epistemology]. Translated from English. Moscow: Smysl.
10. Ladov, V.A. (2018) Critical analysis of the hierarchical approach to the solution of the paradox problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 11–24. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/2
11. Putnem, H. (1998) Realizm s chelovecheskim litsom [Realism with a human face]. In: Gryznov, A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie* [Analytical philosophy: formation and development]. Translated from English and German. Moscow: Dom intellektual knigi; Progress-Traditsiya. pp. 466–494.